

Вторникъ, 23-го сентября (6-го октября) 1908 г. № 569

С Л О В О

Общедоступный театр.

„Дядя Ваня“ Чехова.

Исторія русской драмы очень бѣдна; въ ней нѣтъ непрерывнаго органическаго развитія. Въ концѣ концовъ, у насъ есть только нѣсколько замѣчательныхъ попытокъ, которыя представляютъ изъ себя не что иное, какъ инсценированный эпосъ. Такова, напримѣръ, „Власть Тьмы“; таковъ почти весь Островскій. Быть можетъ, и въ лирическихъ сценахъ Чехова больше эпически-бытового элемента, чѣмъ это принято думать.

Въ московскомъ Художественномъ театрѣ, несмотря на пресловутый реализмъ, несмотря на тщательную разработку сценическихъ деталей, „Дядя Ваня“ производитъ впечатлѣніе очаровательной лирической картины; гениальный режиссеръ нѣсколько затуманилъ бытовые краски ради основной стихіи чеховской драмы. На сценѣ Общедоступнаго театра, въ серьезной и продуманной постановкѣ, „Дядя Ваня“ Чехова—это эпизодъ изъ русскаго уѣзднаго, „усадебнаго“ быта.

Г-нъ Гайдебуровъ (Войницкій) попытался выдвинуть свою роль въ центръ пьесы, что отчасти ему и удавалось благодаря его живой и интересной игрѣ въ 3-мъ дѣйствіи, а также вслѣдствіе безцвѣтной, лишенной всякаго юмора игры г-на Тайрова (Астровъ). Эта попытка, быть можетъ, соответствуетъ замыслу Чехова, если принять во вниманіе названіе пьесы,—но сама пьеса даетъ для такого истолкованія мало матеріала. Въ 3-мъ дѣйствіи сцена истерическаго припадка можетъ показаться центральной только невнимательному зрителю. У Чехова всѣ сцены одинаково важны, каждое слово есть выраженіе все той же чеховской безнадежности, неподвижной и обаятельной. Остальные исполнители играли въ общемъ вполне прилично. Очень естественна и даже трогательна была въ нѣкоторыхъ сценахъ г-жа Толстая (Соня).

Многочисленная публика была очень довольна спектаклемъ и съ воодушевленіемъ вызывала г-на Гайдебурова послѣ 3-го дѣйствія.

В. Волькенштейнъ.